

ИСЛАМСКОЕ ГОСУДАРСТВО ХАЛИФАТ: ТЕОЛОГИЧЕСКИЕ КАНОНЫ ПРОШЛОГО В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ БЛИЖНЕВОСТОЧНЫХ СОБЫТИЙ

А. В. Шарапо

Анализируются основные аспекты, способствовавшие созданию террористической группировки «Исламское государство», особенно те из них, которые носят политический и религиозный характер. Автор акцентирует внимание на экстремистской интерпретации ИГ основных теологических канонов ислама, которые в трансформируемом виде проповедуют насилие и причисляют к иноверам всех тех, кто не согласен с такими трактовками. Он выделяет главные цели ИГ — построение исламского государства — халифат, где будут установлены законы шариата в том виде, в каком они существовали в начальном периоде ислама; отрицание всех последующих религиозных нововведений; объявление джихада основным методом борьбы; конечная цель — создание всемирного халифата.

В статье рассматриваются главные политические и военные группы в Ираке и Сирии, которые, несмотря на общность цели свержения существующих режимов, ведут активную борьбу с ИГ на завоеванных им территориях. При этом автор отмечает существенные различия в религиозной идеологии ИГ и противостоящих группировок, подчеркивая, что идея халифата широко критикуется ООН, многими правительственными и известными исламскими правоведами, не признающими группировку «Исламское государство».

The article undertakes the analysis of the main aspects which enabled the formation of the extremist terrorist group «The Islamic State» (IS) and, in particular, of the most important of them of political and religious nature. The author emphasizes that IS follows an extreme interpretation of the basic Islamic theological canons, promoting religious violence and regarding those who do not agree with such interpretations as infidels. He distinguishes the main goals of IS — the foundation of Islamic state (caliphate) with sharia laws by returning to the early period of Islamic religion; rejecting all innovations in it; announcing the leadership of jihad as the first priority over all methods of struggle, and as an ultimate goal — proclaiming a world-wide caliphate.

The article highlights the main political and military opposition groups in Iraq and Syria most of which call for the overthrow of the Syrian and Iraqi governments but at the same time launch an active offensive against IS on conquered territory. The author notes the significant differences between the basic theological principles of IS and all opposing groups by underlining the thesis that idea of caliphate has been widely criticized and condemned by United Nations, various governments and mainstream Muslim lawyers which refuse to acknowledge «the Islamic State».

Ключевые слова: исламское государство; халифат; теологические каноны: суфизм; салафизм; ваххабизм; джихад; шариат; сунниты; шииты; алавиты.

Keywords: The Islamic State; caliphate; theological canons: sufism; salafism; wahhabism; jihad; sharia; sunnis; shiites; alawites.

Несмотря на то что словосочетание «исламское государство» (ИГ) стало занимать приоритетные места в периодической печати и аналитических материалах только в последние годы, само это понятие не ново. Правда, смысловая разница между прошлыми и современными его трактовками существенная. Если ранее термин «исламское государство» был в основном предметом теологических и правовых исследований, касающихся мусульманских государственных образований прошедших эпох, то в нынешнем его звучании — это еще и название военизированной религиозной группировки, воюющей во имя создания именно такого типа властно-политической организации.

На первый взгляд определение этого военного объединения как «государство» выглядит по меньшей мере непродуманным, как не вполне понятными видятся и планы по его построению на территориях, занятых ныне реально существующими другими мусульманскими странами. Однако более глубокое осмысление идеологических концепций этой группировки, ее теологических установок, критериев причисления тех или иных религиозных групп, общественных структур и даже целых государств к разряду своих «врагов-иноверцев» или же «друзей-единомышленников» говорят о том, что выбор этого названия был не случаен. По мнению

ее лидеров, именно такая его редакция наиболее полно отвечает задаче сплочения всех мусульман для достижения конечной цели — создание регионального, а в перспективе и всемирного халифата.

Как видим, была избрана та форма исламской государственности (халифат), с которой она, собственно говоря, и начиналась почти полторы тысячи лет назад. Срок немалый для ее совершенствования и закрепления, в то же время многовековая история ислама показывает противоположную тенденцию. Это — путь от «расцвета» халифатской формы правления к ее постепенному угасанию и, в конце концов, к исчезновению халифатских государств с карты мира. Последним ее этапом стал распад Османской империи, завершившийся провозглашением 29 октября 1923 г. Турецкой Республики во главе с президентом (а не халифом) Мустафой Кемалем Ататюрком.

Казалось бы, халифат был окончательно вычеркнут из списка возможных форм исламской государственности. Однако такие прогнозы оказались ошибочными: 29 июля 2014 г. лидер группировки «Исламское государство» Абу Бакр аль-Багдади в своем заявлении провозглашает именно халифат в качестве государственного образования на захваченных боевиками ИГ территориях Ирака и Сирии. Более того, титулом верховного правителя

(халифом) он наделяет себя самого со всеми вытекающими из этого властными полномочиями. Неправомерность этих решений признали даже в большинстве мусульманских государств, не говоря уже о западных странах.

Как отметил председатель международного союза мусульманских ученых аль-Карадави, декларация «Исламского государства» недействительна с точки зрения шариата и может иметь опасные последствия для суннитов Ирака. Назначение халифом аль-Багдади со стороны лишь одной группировки, известной радикальными взглядами, не соответствует условиям шариата. Титулом халифа может наделить только вся мусульманская умма [4].

Такую же оценку халифату дает резолюция Ассоциации мусульманских ученых Ирака: «Те, кто объявил о создании халифата, не посоветовались с сынами Ирака или с их лидерами. Это не в интересах Ирака и его единства, и это может стать поводом для разделения страны и причинения вреда народу. Группировка нарушила все условия создания исламского государства, и поэтому объявленный псевдохалифат не обязывает мусульман подчиняться новым правителям» [7].

Аналогичное мнение высказал известный мусульманский шейх Н. Наим: «Что касается главного лозунга ИГ о создании халифата, то это не удивительно: как еще можно заманить в свои ряды молодежь со всего мира? Если говорить о настоящем халифате, то на протяжении 1400 лет мусульмане чтят право всех религиозных групп; они ни с кем не поступали несправедливо. Это есть настоящий исламский халифат, а в действиях ИГ мы видим обратную картину. Она представляет ислам в другом облике, нисколько не присущем настоящему исламу» [10].

И все же аль-Багдади, отказавшись от всех других вариантов исламской государственности (султанат, эмират, имамат), избрал халифат. Этот выбор представляется тем более нелогичным, если учесть, что за прошедшие после последнего османского халифата девять десятилетий на его огромной территории было образовано немало мусульманских государств с различными формами правления, но ни одно из них не выбрало в качестве таковой халифат. Например, Саудовская Аравия — это абсолютная монархия, где королю принадлежат все виды светской и духовной власти; Сирийская Арабская Республика, наоборот, избрала президентскую форму с избираемым законодательным органом Народным собранием, отойдя от руководства в духовной сфере; примерно такое же государственное устройство в Турции; несколько отличная от них форма правления в Объединенных Арабских Эмиратах: это федерация, где власть принадлежит Высшему совету (7 эмиров); наиболее приближена к халифату государственная система в Исламской Республике Иран — имамат: согласно Конституции пожизненным высшим официальным лицом страны является Руководитель — факих (богослов, избираемый Собранием экспертов).

И вот на фоне этого современного многообразия форм правления в мусульманских странах неожиданно зазвучало уже забытое и вышедшее из политического лексикона наименование — халифат.

Логичны вопросы: «каковы причины его возрождения?»; «что это — своеобразный “клон”, “дежавю” этой формы правления древних времен или же какой-то ее модернизированный вариант?»; «реальны ли его перспективы или же это блеф самопровозглашенного “халифа” Абу Бакра аль-Багдади?».

Значимость ответов на эти и сопутствующие вопросы очевидна: несмотря на кажущуюся иллюзорность и утопичность планов ИГ, народы вовлеченных в эти события стран уже поставлены перед фактом жесткой и бесчеловечной реальности: кровавые расправы, бесчинства, насилия, потеря крова и средств существования. Характерно, что все эти злодеяния боевиков ИГ чинятся под лозунгами «во имя Аллаха» и «всемирного халифата». Причины этой навязчивой халифатской идеи понятны: в их основе лежит власть, вернее степень обладания этой властью. В этом плане именно халифат, по мнению лидеров ИГ, как нельзя лучше подходит для реализации своих планов.

Если рассматривать эту проблему объективно, то действительно такая форма исламской государственности в ее первоначальном виде предоставляла правителю неограниченные полномочия во всех мирских и религиозных делах. Ее эталоном считаются халифаты под правлением первых четырех праведных последователей пророка Мухаммеда. Кроме них многовековая история ислама насчитывает немало других подобных государственных образований. Наиболее известными из них являются: Омейядский халифат (661–770); Аббасидский халифат (750–1258); Османская империя (1299–1922). Среди других — Кордовский халифат (южная часть Испании), Фатимидский халифат (Северная Африка), халифат Сокото (Камерун и Северная Нигерия).

Обобщая исторический опыт функционирования этой политико-религиозной формации, исламские теологи дают такую трактовку *понятия «халифат»* [9]:

а) эта форма правления не являлась королевской, так как она не предполагала передачу власти по наследству от отца к сыну, а основывалась на мнении уммы (общины) и принципе выборности халифа [9];

б) халифат не являлся императорской формой правления, так как в отличие от нее «не делал национальные регионы исламского государства колониями, а наоборот — предоставлял им равные права с центром»;

в) халифат не являлся республиканской системой, так как в исламском государстве правление принадлежит Аллаху, а не народу;

г) халифат не являлся демократической системой, где «люди не придерживаются законов шариата, а личность свободна в своем поведении и делает то, что пожелает»;

д) халифат не являлся федеративной системой, где регионы объединены под генеральным правлением;

е) халиф выступал от имени уммы в правлении власти. Он не мог быть халифом, если умма не дала ему байат (присяга на верность — безоговорочное подчинение халифу) [9].

Опуская заслуживающую отдельного разговора информацию чисто исторического плана о судьбе каждого из существовавших халифатов, в контексте рассматриваемой темы представляется целесообразным выделить в ней одну из главных проблем халифатской формы государственности — вопрос о власти, и прежде всего о месте в ней ее духовной составляющей. Кто и по каким критериям мог стать имамом всех мусульман — вот тот главный «камень преткновения», вокруг которого велась вся борьба за трон. Во многом это объяснялось тем, что на «заре» ислама религиозный лидер, такой, например, как пророк Мухаммед, считался Посланником самого Аллаха, и стать его наследником-имамом было делом далеко не каждого. Борьба за такой титул во многом предопределила характер истории ислама, и в частности, его раскол на два главных течения — суннизм и шиизм.

Отголоски этой борьбы как раз и проявляются в тех событиях, которые происходят сейчас в Ираке и Сирии. В этой связи действия военизированной, экстремистской группировки «Исламское государство» видятся как прямое наследие худших традиций халифатской истории — достижение своей цели путем завоевательной войны без какого бы то ни было соблюдения гуманности и морали. Однако при всем этом сходстве в бесчеловечности методов борьбы современные боевики ИГ отличаются от своих предков в главном — если во времена прошлых халифатов война велась во имя, пусть и принудительного, объединения разрозненных племен Аравии под эгидой ислама, то сейчас действия экстремистов фактически ведут к расколу мусульманского мира.

При этом усиление такого религиозного противостояния отмечается уже не только по основной линии «сунниты-шииты», но и по характеру теологических трактовок, относящихся к более мелким течениям ислама. Вышолощенные по сути и искаженные по содержанию, все они в комплексе фактически были возведены богословами ИГ в разряд «очищенного» ислама, следование канонам которого декларируется как непременная обязанность каждого мусульманина. Именно такой смысловой трансформации были подвержены, в частности, понятия «суфизм», «салафизм» и «ваххабизм». В их основе изначально лежали вполне умеренные идеи о единобожии, поклонении и преклонении перед Аллахом, безусловном следовании образу жизни и вере ранней исламской общины. Однако, не отрицая эти ортодоксальные догматы, исламистские наставники ИГ сместили акценты своей проповеднической деятельности на другие, более поздние радикальные положения этих течений. В основном они касаются не методов убеждения в «божественном предназначении» ислама, а способов принуждения, в том числе насилием, к исламской вере. Как гласит один из постулатов ваххабизма, «все мусульмане, которые не разделяют ваххабитские идеи, являются вероотступниками и подлежат “такфиру” (обвинение в неверии)».

Сегодняшние события на Ближнем Востоке показывают, что «вероотступничество» стало главным «оправдательным» аргументом проявления жесто-

кости и насилия боевиками «Исламского государства». Осуждая нововведения в исламе, они сами наводнили эту религию такими ваххабитскими догматами, которые отвергаются большинством богословов и самими мусульманами. Среди них — запрет на поломничество к могилам святых, на празднование дня рождения пророка Мухаммеда, выражение благодарности за благие дела кому-либо, кроме Аллаха (нельзя, например, говорить «мне помогло это лекарство», так как помочь может только Аллах), и т. д. Все это считается ваххабитами проявлением самого страшного греха — многобожия. Фанатическое следование принципу единобожия привело ваххабитов к непризнанию святых других религий, презрению к их культуре, истории и наследию. Под знаменем борьбы с язычеством и идолопоклонством приверженцами ваххабизма уничтожались даже религиозные памятники старины и культуры, которые соотносились с самим исламом. Снесение старых кварталов Мекки и Медины, разрушение простоявших более 1000 лет строений времен пророка Мухаммеда, памятных надгробий его дочери Фатимы и внука Хасана, подрыв самой священной шиитской мечети в Самарре, уничтожение археологических раскопок в г. Хатре, включенных в список Всемирного наследия ООН, и музея древних скульптур в Масуле — лишь немногие свидетельства, не имеющие ничего общего ни с религиозными традициями самого ислама, ни, тем более, с понятиями цивилизационных ценностей.

Однако такое варварство не ограничивается только пренебрежением к общечеловеческим историко-религиозным достояниям. Оно еще в большей степени проявляется в непризнании главной ценности — жизни человека. Обоснованием для массовых убийств и насилия радикальные ваххабиты считают положение учения Ваххаба о том, что «каждый мусульманин должен принять клятву в покорности единственному главе мусульман — халифу» (т. е. в современных условиях халифу «Исламского государства» аль-Багдади), и далее — «те, кто не соответствует таким взглядам, должны быть убиты, их дочери и жены отданы на поругание, а имущество конфисковано» [5].

Орудие реализации этих установок — *джихад*. Характеризуя задачи джихада, один из проповедников подобного рода «идей» теолог аш-Шафир в своей книге «Светский образ жизни и его последствия» пишет: «Необходимо джихад во имя Аллаха. Мы должны объявить войну каждому, кто борется против Аллаха и его Посланника, чтобы исчезло всякое язычество, любая, необязательно религиозная, неваххабитская система идей и действий, чтобы вся религия принадлежала бы только Аллаху». Джихад стал основным орудием воплощения в жизнь идеи всемирного халифата.

Казалось бы, такая масштабная общеисламская перспектива должна была бы привести лидеров «Исламского государства» к мысли о суннитско-шиитском примирении, о всепрощении многовековых взаимных обвинений в вероотступничестве, о снятии претензий к другим конфессиям. Однако, как показывают прошедшие и нынешние события в Ираке и Сирии, все происходит с точностью до на-

оборот. По мере совершенствования организационной структуры и роста боевых возможностей ИГ перенесло акцент в своих военных планах с борьбы против американских войск на войну с «веротступниками», и в первую очередь с мусульманами-шиитами. По словам создателя организации ваххабитского толка «Единобожие и джихад» (прообраз группировки «Исламское государство»), «шииты — это непреодолимое препятствие, затаившийся змей, хитрый и зловредный скорпион с глубоко проникающим ядом» [3].

Наряду с причинами такой суннитско-шиитской взаимной неприязни, связанными с далекой историей ислама, эту вражду во многом можно объяснить и особенностями формирования современной государственности Ирака. Парадокс ситуации состоит в том, что эта страна, будучи провинцией суннитской Османской империи и поэтому управляемая суннитским правительством, по своему религиозному составу всегда была в большей степени шиитским, чем суннитским государством. К моменту обретения Ираком независимости в 1932 г. арабы-сунниты составляли лишь 21 % населения страны, в то время как на шиитов приходилось 53 %, на курдов 14 % [3]. Приблизительно такое же соотношение сохранилось до наших дней (по данным на 2003 г. шииты составляли 60 %). Вот почему долго скрываемое шиитское роптание «до каких пор ...» после свержения С. Хусейна обрело такие гипертрофированные формы.

В своем стремлении к восстановлению «справедливости» шииты нашли себе союзника в лице Соединенных Штатов. Они надеялись с их помощью уступить свое традиционное место на дне социальной иерархии их противникам-суннитам, которые в годы правления Хусейна прочно удерживали все рычаги управления страной. И это им удалось. На парламентских выборах 2005 г. блок шиитских партий «Объединенный иракский альянс» получил 48 % голосов против 2 %, набранных суннитским списком аль-Явара. И хотя в образованный Президентский совет входили на равных два вице-президента (один — шиит, другой — суннит), в целом страной уже управляло шиитское большинство.

Реакция суннитского меньшинства на произошедшие события была схожа с бывшими настроениями шиитов — стремление вернуть себе привилегированное властное положение. Вот почему нынешнюю войну группировки «Исламское государство», которая, без сомнения, имеет религиозную окраску, все же было бы ошибочно называть только суннитско-шиитским конфликтом. Это классический вариант борьбы за власть. Именно этой задаче были подчинены все планы лидеров ИГ сменить шиитский режим как в самом Ираке, так и правительства тех государств, которые откажутся присягать современному халифу и быть верными идее «всемирного халифата».

Конечно, не нужно забывать о том, что за этими «ласкающими слух» многих мусульман названиями «исламское государство» и «всемирный халифат» главы ИГ скрывают главное — даже если предложить, что их планы каким-то образом были бы реализованы, то это было бы не просто «исламское»,

а «исламское суннитское государство» и «суннитский халифат». Вот почему общеисламская риторика лидеров ИГ вокруг этой идеи по меньшей мере некорректна.

Однако в идеологическом плане она сыграла довольно значительную роль. Как бы там ни было, но подобно всем призрачным, утопическим учениям о «светлом будущем» идея «всемирного халифата» сумела консолидировать действия разрозненных террористических отрядов аль-Кайды как в самом постсаддамовском Ираке, так и многих военизированных исламистских групп в государствах Северной и Центральной Африки, а также привлечь в свои ряды наемников-исламистов из Америки, Европы и ряда азиатских стран.

Значительным подспорьем стал набор в ряды ИГ бывших военнослужащих саддамовской армии. В основном это оставшиеся после увольнения без работы тысячи солдат и офицеров (по некоторым оценкам, до одного млн чел.) суннитской конфессии, которые были готовы служить ИГ «за веру» и за деньги. Другим серьезным мотивом для возвращения этих военнослужащих — суннитов — на службу под эгидой ИГ стало их стремление вернуть себе былое привилегированное место во властной иерархии.

Идея «всемирного халифата» стала побуждающим мотивом также и для многих иностранных исламистов-радикалов. По данным Центра стратегических исследований США, по состоянию на июнь 2014 г. в рядах ИГ состояли: из Саудовской Аравии — 2500 чел., Туниса — 3000 тыс. чел., Марокко — 1500 тыс. чел., Алжира — более 200 чел. Кроме этих арабских стран в состав ИГ также входили 700 боевиков из Франции, 400 — из Великобритании, 400 — из Турции, 150 — из Австралии, по 120 из Косово и Нидерландов, 100 — из Дании, по 70 — из ФРГ и США, 50 — из Испании, 280 — из Бельгии, а также по несколько десятков из Норвегии, Финляндии, Ирландии и Швеции. Что касается России, то, по данным директора ФСБ А. Бортникова, в рядах ИГ воюют более 1700 граждан Российской Федерации (конец 2014 г.), что в два раза превысило показатель 2013 г. Общее число иностранных наемников оценивается в 19 тыс. боевиков, а на граждан Ирака — более 10 тыс. чел. [2].

В целом *иракская группировка ИГ* представляет собой большое количество крупных и мелких отрядов, сформированных в основном по племенной или конфессиональной принадлежности или их совокупности. Наиболее крупные из них: отряды «*тарикистов*» (общая численность — более 5 тыс. боевиков); отряды «*накибандийцев*» (включают более 20 формирований, общей численностью до 10 тыс. чел.); отряды «*Главного военного совета иракских революционеров*»; «*Совет племен*» (включают военные отряды более 70 суннитских племен).

Формирование ИГ по «племенному» или конфессиональному принципу имеет как положительные, так и отрицательные стороны. С одной стороны, оно обеспечивает хорошую дисциплину и беспрекословность выполнения приказов своих непосредственных командиров, но с другой — снижает уровень повиновения высшему командованию, осо-

бенно если отданные им распоряжения идут вразрез с «племенными интересами».

Основной группировкой, воюющей против сил ИГ в Ираке, являются правительственные войска (общая численность — до 280 тыс. чел.). На их вооружении находятся советские и западные образцы бронетанковой, авиационной и артиллерийской техники, в том числе более 140 американских и советских танков («Абрамс», Т-55, Т-72), около 50 боевых самолетов СУ-25 и штурмовых вертолетов Ми-35м, около 40 единиц РСЗО «Град» (часть из них захвачена ИГ) [1].

Ввиду того что правительственные войска укомплектовываются в основном призывниками, и что важно — молодыми иракцами в большинстве из бедных семей, исповедующих не только шиизм, но и идеи других конфессий, их боевая подготовленность, моральное состояние оцениваются как «не вполне отвечающие поставленным задачам». Подавляющая их часть — люди с начальным образованием, не позволяющим им в полной мере усвоить даже начальный курс военной подготовки. Если их противники-боевики ИГ осознанно воюют «за веру», то многие военнослужащие правительственных войск такой идеологически обоснованной цели перед собой не видят. Эти факторы приводят к росту дезертирства (по некоторым данным — более 90 тыс. чел.) [1].

Боеспособность группировки «Исламское государство» оценивается по-разному. С точки зрения укомплектованности личным составом, его боевой подготовки, обеспеченности современными видами вооружений ИГ относят к наиболее боеготовому военизированному формированию из числа всех существующих в мире группировок террористического типа. Уже один только факт неспособности правительственных войск Ирака, даже с учетом их поддержки авиационными ударами ВВС ряда западных стран, переломить ситуацию в свою пользу говорит о многом.

Захват и удержание под своим контролем значительной территории Ирака и Сирии — лишь одно из подтверждений уровня боеготовности ИГ. Фактически в результате военных действий Ирак и Сирия утратили свою государственную унитарность: в Сирии обособились подвластные правительственным войскам алавитские области, курдским подразделениям — провинции, населенные в основном курдами, и районы, подвластные отрядам ИГ; иракская территория разделена на подконтрольный курдам север, захваченный ИГ «суннитский треугольник» и шиитский юг, управляемый центральной властью. Характерно, что интересы группировки «Исламское государство» в «суннитском треугольнике» и Иракском Курдистане имеют довольно серьезные отличия. В первом случае приоритетными являются религиозные факторы, во втором — экономические причины.

Привлекательность территории «суннитского треугольника» (его вершины — г. Багдад, Тикрит, Ар-Ромади) во многом объясняется религиозным составом ее населения, большую часть которого составляют арабы-сунниты. Будучи по сути суннитской организацией ИГ надеялось найти среди

них существенную поддержку в построении на этой территории первого «образца», прообраза будущего халифата. Завоевав в большей части «треугольника» лидирующее военное положение, ИГ пытается подкрепить его соответствующими административными мерами. Здесь отменены все прежние паспорта и выданы новые удостоверения «халифатского государства», сформированы «халифатские органы власти». Однако ожидаемого признания и понимания со стороны жителей-суннитов «треугольника» это образование не получило.

В целом государственное образование ИГ на территории «суннитского треугольника» можно охарактеризовать как навязанную военной силой административную структуру — квазихалифат, который по управленческому составу и по своим функциям подстроен под иллюзорные задачи построения халифатской империи и на практике демонстрирует свою политическую и экономическую несостоятельность. Если на захваченной части «суннитского треугольника» ИГ все же удалось выстроить хоть какое-то подобие халифата — квазихалифат, то повторение этого опыта в других северных провинциях Ирака, где суннизм также доминирует среди других конфессий, представляется бесперспективным. В первую очередь это относится к *Иракскому Курдистану*, населенному в основном курдами-суннитами (75 % населения). Казалось бы, боевики ИГ должны были бы найти в них если не надежных союзников, то хотя бы «молчаливых» сторонников идеи суннитского халифата. В то же время практика не только опровергает все надежды, но показывает открытое, в том числе и военное, противодействие курдов попыткам ИГ подчинить себе этот народ. Главные причины такого «недружелюбия» следует искать в непростой, порой трагической общей истории ближневосточных курдов, связанной с их борьбой за право создания своего независимого государства, а что касается Иракского Курдистана — во враждебном характере его отношений с постмонархической суннитской властью этой страны.

Вся история Иракского Курдистана представляет собой борьбу курдов с центральными суннитскими властями за свою относительную независимость в составе Ирака. Вопрос о выделении этой территории в отдельное курдское государство никогда не ставился, а конечной целью этой борьбы было обретение статуса широкой автономии. Но даже эта задача, несравненно менее масштабная по сравнению с многовековой мечтой о «Великом Курдистане», обошлась иракским курдам дорогой ценой — фактическим геноцидом, чинимым по отношению к этому народу суннитским режимом С. Хуссейна. Вот почему когда Иракский Курдистан стал объектом интересов ИГ, то к опасениям курдов потерять свою независимость в составе навязанного квазихалифата прибавились все прошлые «обиды» на саддамовскую суннитскую власть. Именно этим фактором можно объяснить нынешний выбор курдов-суннитов в качестве своего союзника религиозно чуждого для себя шиитского правительства сначала аль-Малики, а затем — премьера аль-Абади.

Этот союз суннитов и шиитов в борьбе против ИГ вовсе не означает умиротворенное согласие этих

сторон в своих целях и интересах. Если для Курдистана правительственные войска — это дополнительная сила в стремлении сохранить свою независимость и вопрос выживаемости, то для багдадской власти курдские отряды — это в первую очередь военная поддержка в противодействии возможному захвату группировкой ИГ курдской территории, богатой нефтью и газом. Проблема суверенитета Курдистана для Багдада в данной обстановке отодвигается на второй план. Что касается непосредственно ИГ, то его в одинаковой степени интересует как сама территория Курдистана, так и залежи нефти на ней (на территории Иракского Курдистана добывается около 60 % нефти. Общие запасы в этом регионе оцениваются в 45 млрд барр., по Ираку — 115 млрд барр. Запасы газа — около 6 трлн куб. м) [6].

Нефть Курдистана для всех заинтересованных акторов стала все больше приобретать значимость не только экономического, но и политического фактора. Показательна в этом плане позиция Соединенных Штатов по курдской проблеме. До недавнего времени внешнеполитическое ведомство США в большей степени склонялось к поддержке территориальной целостности Ирака, а в меньшей — независимости Курдистана. Сейчас, продолжая выступать за такую же целостность, США в равной степени поддерживают и стремление Иракского Курдистана расширить свои права как суверенной автономии, а в дальнейшем не исключают и обретения им полной государственности. Традиционный исторический противник независимого Курдистана Турция также поменяла свою внешнеполитическую риторику по курдскому вопросу на более взвешенный миролюбивый тон. Перспективная ее цель — превращение Турции в ключевой энергетический мост между Европой и Ближним Востоком (газопроводы Blue Stream, South Stream, Иранская ветка Nabucco, трубопровод Баку-Джейхан, Киркук-Джейхан) [5].

На фоне этого многообразия целей и интересов многих государств, в той или иной степени вовлеченных в суннитско-шиитский конфликт, Иракский Курдистан объективно выступает в роли определенной «третьей силы», которая могла бы стать связующим звеном, нейтральным «посредником» для предотвращения распада Ирака и Сирии на конфессиональные анклавы.

Характеризуя *сирийскую группировку ИГ* с точки зрения ее военного противостояния или союзничества по отношению к другим противоборствующим силам, необходимо выделить один существенный момент. Суть в том, что, несмотря на общность стратегической цели ИГ в Ираке и Сирии (построение на захваченных территориях халифата), в тактическом плане действия боевиков ИГ в этих странах имеют существенные отличия. Если на иракском фронте эта группировка выступает как единственная противостоящая правящей власти сила, то в Сирии отряды ИГ — это лишь часть многогранной военной «мозаики», где переплелись интересы многих политических и религиозных сил. Естественно, что в условиях такого разнообразия целей и задач воюющих сторон, их конфессиональной принадлежности лидеры ИГ вынуждены искать среди них как

своих союзников-единомышленников, так и определять противников. Общие критерии для такого отбора сводятся к ответам на вопросы: является ли та или иная группировка сторонником режима Б. Асада или его противником?; поддерживает ли она идеи построения халифата в Сирии?; какой религиозной идеологии придерживаются ее боевики — суннитской или шиитской?

Что касается первой позиции, то здесь отрицательное отношение к правящему режиму Б. Асада характерно как для ИГ, так и всей сирийской оппозиции. Причины антиасадовских настроений во многом схожи с мотивами отстранения от власти суннитского режима С. Хуссейна. Как в Ираке, так и в Сирии у власти в течение многих десятилетий находилось конфессиональное меньшинство (Сирия — алавиты, Ирак — сунниты), а большинство (в Ираке — шииты, в Сирии — сунниты) было отстранено от власти.

Естественно было бы ожидать, что находящиеся не у власти сирийские сунниты должны были бы поддержать ИГ в его борьбе с алавитским режимом Асада. Однако этого не происходит, так как перспектива построения на сирийской территории халифата, пусть и суннитского толка, видится самими суннитами этой страны несостоятельной как в отношении ее реализации, так и по своей религиозной сути. Даже в уже захваченных ИГ суннитских территориях Сирии идеи халифата не находят той поддержки, на которую рассчитывали лидеры этой группировки. Как отметил видный сирийский проповедник аль-Арур, «разногласия между сирийцами-суннитами и ИГИЛ не являются разногласиями о военной тактике, экономике или политике. Они касаются сугубо шариатских проблем. ИГИЛ отвергает основы основ религии, что достаточно, чтобы обвинить его в неверии. Если бы этот убийца аль-Багдади действительно призывал к истине, если бы он действительно был мусульманином, то он стремился бы к соблюдению основ шариата. Мы обязаны называть его мунафиком (лицемером). Среди мусульман Сирии и Ирака есть множество людей, дети и братья которых убиты ИГИЛ. Осознанно уничтожаются лучшие лидеры и воины сирийского сопротивления» [8].

Еще большее отторжение ИГ получает от практически всех политических сил Сирии, входящих в структуры *политической оппозиции*. Характерно, что в числе всех зарегистрированных еще до гражданской войны партий не было ни одной придерживающейся крайних исламистских взглядов. Нет таковых и в нынешней политической оппозиции, основными представителями которой внутри страны являются: «Народный фронт за свободу и перемены»; «Коалиция сил за мирные перемены»; «Национальный координационный комитет за демократические перемены». Среди *внешней оппозиции* наиболее известны: «Сирийский национальный совет»; «Национальная коалиция оппозиционных и революционных сил»; «Военно-политическое объединение «Курдский национальный совет», который создан в Иракском Курдистане в 2011 г. Включает более 15 партий. Выступает за автономию курдов в Сирии. На его основе в 2012 г. образован «Высший Совет курдов Сирии».

Характерно, что ни одна из оппозиционных политических сил Сирии не содержит в своих программах положения о поддержке группировки «Исламское государство» и тем более ее планов по созданию здесь филиала халифата. Хотя те и другие выступают за свержение режима алавитского толка Б. Асада, но что касается будущего политического устройства Сирии, взгляды на эту проблему у них диаметрально противоположные: политическая оппозиция — за неделимое, единое государство; исламисты ИГ — за халифатский анклав в нем.

Если противостояние политической оппозиции Сирии и боевиков-исламистов в общем плане носит, образно говоря, «теоретический», «невоенный» характер, то разногласия ИГ с другими вооруженными формированиями Сирии, также выступающими против режима Б. Асада, зачастую выливаются в открытую, непримиримую войну. В данном случае на карту поставлены уже не только зоны влияния и интересов, но также зоны обладания теми или другими сирийскими провинциями. Для группировки «Исламское государство» наиболее привлекательными являются те сирийские территории, которые в наибольшей степени отвечают двум критериям: экономическому — наличие в них богатых нефтяных и газовых месторождений; конфессиональному — преобладание суннитского населения. В этом плане захватнические цели ИГ в Сирии и Ираке во многом совпадают. Однако если в Ираке эта группировка почти единовластно претендует на наибольшую часть иракского «нефтяного пирога», то в Сирии желающих заполучить какую-то его долю гораздо больше. При этом все они помимо нефтяных интересов преследуют не менее важные для них цели воплощения в жизнь своих конфессиональных амбиций. Единственное, что объединяет ИГ с другими повстанческими формированиями, — это общность задачи по свержению режима Б. Асада, а также исламистский характер их призывов и лозунгов.

Исходя из этих признаков все военизированные антиасадовские формирования условно можно выделить в категорию *военной оппозиции*, включающую: «Сирийскую свободную армию» (ССА); «Исламский фронт освобождения Сирии» (ИФОС); «Сирийский исламистский фронт» (СИФ); группировки, связанные с «Аль-Каидой»: «Фронт ан Нусра», «Армия сподвижников пророка», «Отряды народной самообороны» — боевое крыло Курдского верховного комитета.

Нетрудно заметить, что большинство из всех этих военных объединений носит откровенно исламистский, радикальный характер и преследует сходную с ИГ цель — построение исламского государства. Вопрос заключается в том, какого типа будет это государство и кто будет в нем главенствовать? Именно разногласиями по этой кардинальной проблеме можно объяснить те трудности, с которыми сталкивается ИГ в поисках своих союзников в Сирии, а также временный характер подобного рода союзов. Наглядным примером таких «нестыковых» может служить факт отказа лидеров ИФОС и СИФ включить группировку «Исламское государство» в образованный этими двумя военизированными объединениями единый «Исламский фронт», не говоря

уже о многих случаях открытых боевых столкновений между ними. Тем более не может быть речи о какой-либо координации боевых действий ИГ с «Сирийской свободной армией» и отрядами «Народной самообороны» курдов. Что касается последних, то уже одна только острота столкновений между ИГ и курдскими формированиями за г. Кобани (погибло более 1000 джихадистов) говорит о степени вражды между ними. Характерно, что в большинстве боевых операций курдские отряды и повстанцы ССА нередко выступают единым фронтом как против ИГ, так и других групп военной оппозиции.

В то же время необходимо отметить, что такая конфессиональная разногласия в антиасадовских силах нередко «играет на руку» самой группировке «Исламское государство». Этот фактор — далеко не последний в числе причин периодических успехов боевиков ИГ на фронтах сирийской гражданской войны. В целом в зависимости от ситуации эта группировка контролирует от 20 до 35 % северных территорий Сирии, в том числе богатую нефтью провинцию Дейр аз-Зор [8].

Естественно, что содержание этой всей довольно мощной военной группировки требует немалых финансовых средств. Наиболее богатый источник их пополнения — торговля нефтью, в основном контрабандным способом. По разным оценкам, ежедневный доход ИГ только от продажи углеводородов составляет около 2 млн долл. США (в год — до 800 млн долл.). В зависимости от складывающейся боевой обстановки ИГ контролирует от 5 до 10 нефтяных месторождений, а также ряд крупных «перевалочных» пунктов контрабанды нефти (в частности, до недавнего времени — г. Кобани на границе с Турцией). Турецкие трейдеры скупают нефть по бросовым ценам (в среднем 30–60 долл. за барр., в то время как на мировом рынке — 60–70 долл.). Как видим, подобная «купля-продажа» есть не что иное, как открытое финансирование террористической деятельности ИГ. Другими статьями доходов ИГ являются пожертвования его сторонников (по некоторым данным, наибольшие суммы от богатей Саудовской Аравии и Катара), выкупы за похищенных заложников, ограбления банков, принудительное изымание средств у населения и т. п.

Говоря о других факторах, способствующих определенным захватническим успехам ИГ в Ираке и Сирии, необходимо упомянуть о косвенном влиянии на эти события деятельности ряда «удаленных» от ближневосточного региона других военизированных исламистских групп. Поддержка ИГ со стороны этих местных джихадистов проявляется как в открытой демонстрации своей приверженности идеям группировки «Исламское государство» («клятвы на верность» ИГ), так и в схожих с ИГ формах ведения борьбы «за чистоту ислама» (жесткость, террористические акты, насилие и разбой). Наиболее активно деятельность этих исламистских группировок проявляется в государствах Северной и Центральной Африки. Основные из них: в Ливии — «Рассвет Ливии», «Ливийская исламская боевая группа», «Совет шуры исламской молодежи», «Анар аш-Шариа»; в Алжире — «Вооруженная исламская группировка», «Аль-Кайда в странах исламского Магриба»; в

Египте — «Братья-мусульмане», «Священная война», «Исламская группа», «Борцы дома Махди»; в Тунисе — «Ансар аш-Шариа»; в Нигерии — «Боко Харам» (переименована в «Западноафриканскую провинцию «Исламского государства»); в Сомали — «Аль-Шабаш»; в Мали — «Движение за единение и джихад», «Ансар ад-Дин», «Батальон подписавшихся кровью», «Сыны пустыни за исламскую справедливость»; в ЦАР — «Селека».

Вместе с тем имеются группировки шиитского толка, выступающие против суннитских идей груп-

пировки «Исламское государство». Главная из них — ливанская организация «Хезболла». Близкой к ней является военизированная группировка шиитов-зейдитов в Йемене «Ансар Аллах» (хуситы).

По мнению специалистов-востоковедов, наиболее мощной преградой против ИГ может стать единение и сплоченность антиисламистского мусульманского мира, пропаганда реальной исламской религии и разоблачение ее суррогата в лице экстремистской, террористической организации «Исламское государство».

Библиографические ссылки

1. 9 мифов об «Исламском государстве Ирака и Леванта» [Электронный ресурс] // Вести. Экономика. 03.09.2014. URL : <<http://www.vestifinance.ru/articles/46413/>> (дата обращения : 02.05.2015).
2. Джихад с голливудским размахом [Электронный ресурс] // Газета.ru. 24.09.2014. URL : <http://www.gazeta.ru/science/2014/09/24_a_6232837.shtml> (дата обращения : 21.04.2015).
3. «Исламское государство Ирака и Леванта» угрожает безопасности Южного Кавказа [Электронный ресурс] // Научное общество кавказоведов. 30.06.2014. URL : <<http://www.kavkazoved.info/news/2014/06/30/iraq-igil-ugrozhayet-bezopasnosti-uzhnogo-kavkaza.html>> (дата обращения : 21.04.2015).
4. Исламские ученые: «ИГИЛ совершает преступления против Ислама» [Электронный ресурс] // Ислам для всех. 08.09.2014. URL : <<http://islam.com.ua/news/18406-2014-09-08-20-19-19>> (дата обращения : 24.04.2015).
5. Крук А. Нельзя понять, что такое ИГИЛ, не зная историю ваххабизма в Саудовской Аравии [Электронный ресурс] // Война и мир. 06.09.2014. URL : <<http://www.warandpeace.ru/ru/analysis/view/93677/>> (дата обращения : 22.03.2015).
6. Пособники терроризма. Кто покупает нефть у боевиков ИГИЛ? [Электронный ресурс] // Аргументы и факты. 30.10.2014. URL : <<http://www.aif.ru/money/economy/1372353>> (дата обращения : 02.05.2015).
7. Суннитские богословы осудили и отвергли халифат ИГИЛ [Электронный ресурс] // Ансар. 14.07.2014. URL : <<http://ansar.ru/sobcor/sunnitskie-bogoslovy-osudili-i-otvergli-halifat-igil>> (дата обращения : 24.04.2015).
8. Террористическая организация «Исламское государство». Досье [Электронный ресурс] // ИТАР-ТАСС. 27.05.2015. URL : <<http://itar-tass.com/info/1264570>> (дата обращения : 02.05.2015).
9. Халифат — система правления в исламе [Электронный ресурс] // Халифат — исламское государство. URL : <<http://halifat.org/>> (дата обращения : 22.03.2015).
10. Шейх: «ИГИЛ воплощает на Ближнем Востоке сионистские планы» [Электронный ресурс] // Новости ислама. 24.03.2015. URL : <<http://www.islamnews.ru/news-454880.html>> (дата обращения : 20.04.2015).

Статья поступила в редакцию в июне 2015 г.